

ских «ростков», пригородные автобусы наполнены взбодрившимися пенсионерами, самозабвенно участвующих в этом волшебном круговороте жизни. Осень меняет смыслы, и народ активно переживает чувство довольства результатами своего труда. Не беда, если они не ахти какие, огород не закрывает временные перспективы – «вот на следующий год...»

«Сад-Огород-Дача» воспринимается как существенная черта нашего способа жизни, ибо и такое национальное достояние как соленый огурчик и черная корочка с хлебной водочкой – все оттуда.

УДК 14

В.Д. Шмелев
УГЛТУ, Екатеринбург

ЛЕВ ТОЛСТОЙ ОБ ИСТИННОМ ПУТИ ЖИЗНИ

Что такое жизнь? Что такое смерть? В чем особенности человеческой жизни? Все эти вопросы чрезвычайно волнуют человечество и каждого индивидуума. Они не теряют своего значения в пространственно-временном континууме, всегда актуальны и злободневны. Однако в каждый период человеческого бытия выдвигаемые на основе их решения, смысложизненные ориентиры приобретают своеобразный социальный имидж. Если общество уже достигло зенита в собственном развитии, то они постепенно сглаживаются и растворяются в общественном сознании и, наоборот, серьезно обостряются в переломные кризисные эпохи. Сегодня на глобальном уровне сложилась острая кризисная ситуация, охватившая буквально все страны мира. Воочию предстало, что «капитализм исчерпывает себя; государственный социализм на практике показал непригодность и архаичность» [1]. Поэтому внимание к данным проблемам, особенно к оригинальным вариантам их решения, вновь существенно возросло. Вопрос об истинном пути жизни превратился в один из самых животрепещущих.

Современные искания российских любомудров, пытающихся найти выход из сложившейся кризисной ситуации в стране, характеризуются разноплановостью и многообразием. Они лишены прежней поляризации, когда марксистские воззрения и представления их идейных оппонентов находились в непримиримом противостоянии при объяснении социума. Можно констатировать, что господствовавшие прежде духовные ценности практически утратили социальную значимость, и объективно возникла необходимость в качественно ином осмыслении повседневной человеческой деятельности. Одновременно наступил срок разбирать прошлые завалы и извлекать на свет все то, что сохранило какое-либо значение для современности и может быть использовано в нынешних теоретических построениях. Оказалось, что философско-теологическое наследие Л.Н. Толстого

лучше всех пригодно для этих целей. Оно вновь возрождается из забвения и все больше становится злободневным и востребованным. Мирозерцание выдающегося сына России несет в себе весьма самобытную и оригинальную картину человеческих действий, социальных устремлений и мотивов, отвечающих глобальным потребностям XXI в.

Первые успехи в построении собственной системы взглядов о жизненной ориентации людей пришли к графу Л.Н. Толстому в годы пореформенного бытия Российской державы, освободившейся от феодальной зависимости. Ликвидация многолетнего крепостного права открыла перед русской интеллигенцией широкие двери в мир свободы и бурного расцвета интеллектуальных сил. В духовной атмосфере общества воцарилось состояние эйфории и началось всеобщее брожение умов, пытавшихся разобратся в новой социальной реальности, возникшей после столь кардинального исторического события. Каждый торопился предложить свое видение жизненного пути и грядущего развития Отчизны. Л.Н. Толстой тоже оказался великолепным пловцом в этом бурном социальном потоке. Прикнув к славной когорте выдающихся российских деятелей, озабоченных разрешением вечной проблемы «Что делать?», он предложил общественности свое понимание общезначимых вопросов.

Разумеется, созданная Л.Н. Толстым первичная мировоззренческая конструкция была еще очень сырой, требующей дальнейшей доработки и уточнений, однако, ей уже был присущ цельный характер. В эти годы, пишет В.А. Жданов, «Л.Н. Толстой впервые дает законченную систему мировоззрения. Она во многом сходна с его будущими взглядами, но существенно отличается от них и, главным образом, тем, что остается на ступени чистого умозрения...» [2]. Во многом, как нам представляется, эта система воззрений имела гипотетический характер и являлась всего лишь пробным наброском всеобъемлющей панорамы повседневных человеческих дел и событий. Мыслитель еще не раз пополнял ее содержание и вносил различные изменения. Он дорабатывал свою доктрину вплоть до самой кончины. Тем не менее, все же именно на этом первоначальном этапе творчества, как подчеркивает М. Зозуля, «у него созрела «великая, громадная мысль» – посвятить свою жизнь основанию «новой религии... очищенной от веры и таинственности» (дневниковая запись 4 марта 1855 г.)» [3].

Отличительной чертой первичных социально-философских представлений Л.Н. Толстого явилось то, что на этой ступеньке мировоззренческих исканий они носили пока литературные одежды. Литературное покрывало его социальных воззрений – это не просто случайный выбор или непременное следствие профессиональной деятельности. Как писатель он вполне мог бы не поднимать коренные проблемы пореформенного бытия, а, подобно И.С. Тургеневу, скользить по поверхности повседневных забот и тревог отдельного индивида. Однако тульский мудрец избрал более трудную дорогу, истоки которой лежали в глубинах русской культуры и отра-

жали особенности русской философской традиции. Вне всяких сомнений, Л.Н. Толстой воспринял близко к сердцу великую историческую миссию литературы: именно она ответственна в большей мере за дальнейшую судьбу многострадальной России.

Выдающийся творец «Войны и мира» наглядно продемонстрировал, что на страницах романов легче всего можно показать пустоту и ничтожность прежней светской жизни, уходящей в небытие, и в то же время приоткрыть людям туманную завесу над воцаряющимся грядущим. Обладая уникальным даром проникать во все уголки материального и идеального мира, литературная отрасль духовного производства больше всех других отраслей культуры подходила на роль предводителя и учителя всех слоев населения. «Литература, – как подчеркивал лучший друг яснополянского дворянина Н.Н. Страхов, изображая обстановку этих дней, – была **коноводом** (выделено мной – *В. Ш.*) всего движения и росла не по дням, а по часам. Общей же целью литературы считался переворот в умах, и вся она беспощадно гнала и ломала старое и стремилась проповедовать новые идеи» [4].

Прекрасно разобрался Л.Н. Толстой и в том, что литература может выполнить свое предназначение лишь при одном важнейшем условии – она должна слиться с народом. Ведь только народ реально может помочь в кризисные, переломные эпохи. Руководствуясь этим принципом, мыслитель обратился за помощью и советом к богатствам народного опыта. Единству с народом во многом способствовали личные качества Л.Н. Толстого. Конкретную характеристику этих достоинств русского мыслителя красочно описывает П.В. Басинский. Вот как он изображает общение Л.Н. Толстого с народом в эпизоде прибытия в Оптину Пустынь. «С самого начала приезда в Оптину, – подчеркивает этот исследователь, – «отлученного» Толстого встречали как отца родного: и паромщик, и гостинники, и мальчишка... Все были рады появлению этого незаурядного человека, знаменитого писателя и в то же время такого простого, такого доступного «дедушки». И в этот раз Толстой ни во что не «рядился». Он ведь и был дедушкой. И он всегда умел найти кратчайший путь к сердцу простого человека, подробно расспрашивая его о жизни, интересуясь каждой мелочью» [5].

Как видим, творческая лаборатория народных масс, составляющая кладезь житейской мудрости, всегда была объектом пристального внимания русского мудреца. Именно из этого неиссякаемого и животворного источника он первым из литераторов стал черпать полной пригоршней и использовать в своем творчестве. Даже свои будни Л.Н. Толстой постарался приблизить к народному быту с его многолетними традициями. Он одевался в крестьянскую одежду, вместе с семьей занимался земледельческими работами, и вообще вел себя не как господин, а как друг и товарищ в житейских невзгодах. В Ясной Поляне почти у дверей усадьбы стояло дерево, отчасти сохранившееся до наших дней, к которому приходили к писателю окрестные крестьяне за помощью в трудных жизненных ситуациях. Как

правило, трудолюбивым соседям он помогал, а вот бездельникам и лодырям никакой поддержки не оказывал, они уходили от него не солоно хлебавши, с пустыми руками.

Использование яснополянским дворянином народной мудрости и его, казавшаяся вычурной, бытовая упрощенность, не должны вводить нас в заблуждение. Ведь когда Л.Н. Толстой под видом простого крестьянина пешком ходил в Оптину пустынь или занимался еще каким-либо обыденным хлебопашеским делом, он отнюдь не преследовал цель раствориться в гуще народа и не планировал, даже в мыслях, стать, как пушкинский Дубровский, защитником угнетенных. Великий мудрец искал у народных масс смысл человеческой жизни, тесно сопряженный с обыденными отправлениями людей в повседневной действительности. Постоянно находясь в непосредственном контакте с различными представителями народных масс, он обнаружил, что главные ориентиры своего бытия они черпают не из науки, а из религиозных учений. Наука с ее апелляцией к потребностям не может выручить в острых ситуациях жизни, дать человеку даже простого утешения, так как не проникает в глубины человеческой повседневности. Только религия выполняет компенсаторскую функцию. Именно она призвана раскрыть смысл бытия и донести его до каждого индивидуума. Правда, христианская религия исполняет свое предназначение своеобразно, так как переносит подлинную жизнь с земли на небо. Лишь на небесах верующий человек получает завершающую оценку земного поведения. Истинный путь для него – восхождение в небесные чертоги.

Первоначально Л.Н. Толстой полностью не выходил из рамок официальной христианской доктрины. Более того, убедившись после изучения народного опыта в ценности религиозных отправлений, даже усилил свое сближение с православной церковью. Вопреки прежнему охлаждению к церковным обрядам и обуревавшим сомнениям в полезности этого социального института, мыслитель переборол себя и стал чаще посещать богослужения, поститься, соблюдать церковные праздники и даты. Однако продолжалось это недолго. Погрузившись в гущу церковной практики и в глубины православного вероучения, Л.Н. Толстой пришел к выводу, что действующее православие существенно расходится с Христовым учением. Христос проповедовал отрицание богатства и неприменение насилия, а православная церковь освящает греховные деяния государства и высоко ценит мирские блага. Фарисеи и книжники православия исказили и перетолковали учение Спасителя для поддержания своих корыстных интересов. Перелицовывая истины Христа, они внушают простому народу, что учение мистично и темно, что его смысл доступен только святым угодникам и высшим чинам православного клира.

Отводят людей от истинного пути бытия также те многовековые привычки, которые были выработаны ими в период языческой жизни. До сих пор большинство православных продолжает жить по старым законам. К со-

жалению, люди, подчеркивает Л.Н. Толстой, так и не перешли от языческого к христианскому жизнепониманию. И, наконец, самое главное препятствие к тому, чтобы каждый человек строил собственное поведение на Христовых максимах, заключается в массе соблазнов, с которыми он постоянно встречается в повседневной действительности. К числу таких соблазнов, согласно Л.Н. Толстому, относятся, прежде всего, соблазны чистоты каждой личности, когда она считает себя не обязанной ни кому, тогда как все другие люди ей что-либо должны. Другой распространенный соблазн связан с отношением к женщине. «Люди, – указывает русский писатель, – часто думают, что женщина сотворена для плотской утехы и что, оставив одну жену и взяв другую, мы получаем больше утехы» [6]. Третий соблазн касается клятвы граждан на преданность своему государству и т. д.

Преодолевая все препятствия и соблазны, убежден Л.Н. Толстой, каждый человек, следуя за Христом, прочно становится на единственно правильный путь жизни, позволяющий ему достичь высот благоденствия и исполнения желанных целей. Все другие пути неизбежно ведут к забвению и смерти. Эти утверждения яснополянского мудреца как нельзя кстати оказались востребованы и в наше время.

Библиографический список

1. Колбановский В.В. Гражданственность и глобальная социология // СОЦИС. 2010. № 3. С. 112.
2. Жданов В.А. Любовь в жизни Льва Толстого. М.: Планета, 1993. С. 63.
3. Зозуля М. Предисловие к двадцать восьмому тому // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.: Терра, 1992. Т. 28. С. 25.
4. Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862-1885). СПб., 1905. С 5.
5. Басинский П.В. Лев Толстой: бегство из рая. М.: АСТ : Астель, 2011. С. 182.
6. Толстой Л.Н. Краткое изложение Евангелия // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 24. С. 895.

УДК 141.78 + 398.22 + 316.7 + 801.82

В.А. Шумкова
УрФУ, Екатеринбург

МЕДИАПРОСТРАНСТВО КАК СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИФА

В переводе с греческого языка миф (mythos) – это слово, речь, высказывание. Как форма существования первобытной культуры миф представляется